

СЕРГЕЙ ПОНОМАРЕВ

НА ПОРОГЕ
СБОРНИК РАССКАЗОВ

Сергей Пономарев

На пороге

«Издательские решения»

Пономарев С. В.

На пороге / С. В. Пономарев — «Издательские решения»,

О чем рассказы в сборнике? Что связывает все произведения? Я отвечу. Их объединяет жажда ответов. Неутолимое желание разобраться в сложных вещах, которые кажутся простыми. Как связаны жизнь и музыка? Почему настоящий танец неотделим от любви? Из-за чего всё больше людей видят в будущем безысходность? Какое чувство сильнее — желание помочь ближнему или страх потери? Этот сборник — не ответ. Но рассуждение.

Содержание

Как Сотников решил стать космонавтом	6
Болезнь Соннер-Вилля	16
Десять копеек	23
Эхо	27
Знакомство	27
Отказ	29
Гром	31
Темнота	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

На пороге
Сборник рассказов
Сергей Васильевич Пономарев

© Сергей Васильевич Пономарев, 2016

© Альбина Викторовна Сергеева, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как Сотников решил стать космонавтом

Я влетел в класс за секунду до того, как в коридоре прозвенел звонок. Лямки ранца натерли подмышки, дыхание сбилось, а рубашка выбилась из брюк. Я встал у двери, согнулся, уперев руки в колени, и пытался отдышаться.

Постоянно после танцев опаздывал. В этот раз вроде бы успел.

– Смотрите, Сотня опять в луже купался, – Витька Андропов указал всему классу на мои испачканные брюки. – Хрю, Сотня, хрю-хрю.

Класс засмеялся.

Разбить бы тебе хрюкалку твою, Андропов.

Учителя еще не было на месте. Правильно. Мама так и говорит: «Поспешешь – людей насмешишь». Я прям все сделал, как сказано, и поспешил, и людей насмешил. А оно, оказывается, ни к чему было. Противно.

Не в силах посмотреть в глаза Андропову, я просто опустил голову и поковылял к последней парте. Витька тем временем начал рассказывать, что его назвали учеником года в кружке «Юный космонавт». Правильно. Сначала убогого танцора унижил на глазах у тридцати восьмиклассников. Потом свою персону расхваливать начал. А как же – космонавт будущий. Сыграл, как говорится, на контрасте. Противно.

Самое противное, что Машка Федорова смотрит на Витьку такими влюбленными глазами, что мне казалось, еще секунда – и вокруг нее запорхают амурчики, как в каком-нибудь мультике, а из глаз на пружинах выскочат два огромных сердца.

Андропов тем временем продолжал вещать. Даже с парты поднялся, урод, как будто домашнее задание учителю отвечает. Витька пересказывал поздравительную речь отставного космонавта Дмитрия Алексеевича Лаврентьева, лично посетившего двадцатилетие клуба, к которому и приурочили такую вот супер крутую премию. Ее, кстати, подчеркнул Андропов, изначально хотели назвать не «Ученик года», а «Надежда нации». Ой, ну да, без этой информации, Витенька, как бы мы поняли, что ты самый-самый лучший, что по сравнению с тобой мы все говно-говно? Противно.

Я заправил рубашку. Тряпочкой для обуви протер грязные брюки. Впервые залез в верхний наружный карман рюкзака и достал оттуда расческу и маленькое зеркальце. И причесался. Впервые в жизни причесался прямо в школе. Победители выглядят опрятно.

Надо же с чего-то начинать восхождение на Олимп.

Я ел суп и смотрел на бледно-желтую скатерть. Мама стояла ко мне спиной, мыла посуду и изредка поворачивалась к телевизору, который как будто возвышался над кухней, расположившись на наивысшей точке – на холодильнике. Я подумал, что в целом вся эта конструкция напоминает циклопа. Худое бело тельце и огромный разноцветный глаз. Разве что ручек да ножек не хватает.

– Я больше не пойду на танцы, – заявил я, не поднимая глаз.

Тишина – интересная штука. Иногда ее не дождешься. Например, когда хочешь спать. Или пытаешься сосредоточиться на книге. А иногда – когда она совсем не нужна – тишина застаёт врасплох.

В телевизоре картинками мигала немая сцена. Мама перестала греметь посудой. Я поднял ложку, но так и застыл, наблюдая, как суп стекает обратно в тарелку. Звук стекающей жидкости – единственное, что сейчас разбавляло гнетущую тишину.

Мама вытерла руки о фартук и повернулась ко мне. Я не видел этого. И даже не слышал. Просто знал, что именно она сейчас делает.

– Что? – я услышал в голосе мамы легкую дрожь.

Тишина тут же прекратилась. По телевизору включили новости. Рассказывали про новую атаку на лунную станцию. Ложка со звоном рухнула в тарелку. На улице загудела машина.

Я ожидал уточняющего вопроса от мамы. Поэтому сделал все по плану: встал, приложил руку к сердцу и, высоко задрвав голову, начал:

– Я, Сотников Алексей Юрьевич, торжественно клянусь больше никогда не ходить в танцевальный класс, – продекламировал я заученную речь. – Клянусь, клянусь, клянусь. Если я еще раз посету танцевальный класс – клянусь ненавидеть себя до конца своих дней. Клянусь, клянусь, клянусь.

Я сел на прежнее место и продолжил есть суп.

Ни до, ни во время, ни после своего спича, на маму я даже не взглянул. Но знал, что сейчас она схватилась за сердце. Она всегда так делала, когда нервничала.

– Ты же не хочешь, чтобы я ненавидел себя? – уточнил я.

Черт, зачем я это сказал? Дал слабину. Не было же по плану такой фразы. Идиот.

– Не хочу, – почти прошептала мама.

Я смотрел на желтую скатерть. Циклоп слева от меня все еще рассказывал о военных действиях на Луне. Мама все еще держалась за сердце. Я знал, что ее мучает только один вопрос. Если не танцы, то?

– Я стану космонавтом, мама.

Сложнее всего – начать.

Я это понял еще на танцах. Я чертовски волновался перед каждым выходом на сцену: сердце колотилось, ладонки потели, в горле становилось сухо, даже дышать тяжело становилось. Но стоило сделать первый шаг – начиналась магия. Я переставал чувствовать бие-ние сердца, не ощущал собственных ладоней, сухость проходила, дыхание восстанавливалось. Оставался танец.

Не знаю, у всех ли так. Но мне начало давалось сложнее всего. В любом деле. Противно.

Я стоял перед дверью директора кружка «Юный космонавт» и не мог постучаться.

Ладно. Пора. Свет. Музыка. Первый шаг.

Я сделал три добротных удара кулаком по двери и ворвался внутрь. Встал перед столом директора. От волнения даже не успел разглядеть его.

– Я хочу у вас учиться, – выпалил я.

– Дурак?

– Извините?

– Ты дурак, спрашиваю? – повторил директор.

Первое волнение спало, я чувствовал себя вполне уверенно, неодобрительный диагноз казался мне оправданным. Я рассмотрел на директора. Высокий, даже сидя на стуле он был моего роста, немного седой, нос кривой. В принципе, ничего особенного. Разве что осанка впечатляла – как фокусник проглотивший зонт. Интересно, как он нагибается за упавшей ручкой? Я бы на это глянул.

– Не исключаю, – кивнул я.

– Молодой человек, – директор осмотрел меня с ног до головы и поморщился, – идите-ка отсюда, а?

– Только после зачисления в премногоуважаемый, глубоко любимый и самый лучший в мире кружок «Юный космонавт», – продекламировал я, стоя по струнке, как военный, не двигаясь с места.

– Точно дурак, – подтвердил директор, встал из-за стола и подошел ко мне вплотную.

Не такой уж и высокий. Я ему всего по шею.

Директор взял меня за подбородок, поднял голову, кончиком носа дотронулся до моего носа. Взгляд испепелял.

– В кружок набирают с семи лет, – сказал он так громко, что я всерьез забеспокоился за сохранность собственного слуха. – Вам сколько?

– Если надо – будет семь, – я старался не отводить взгляд, но глаза уже начинали слезиться. Я понял, что еще десяток секунд – и мне придется сдать.

– Я еще раз спрашиваю, – заорал директор, – сколько вам лет?

Он, наверное, голос сорвал. И чего так нервничать?

А мне теперь точно придется идти к ЛОРу.

– Семь, – крикнул я и зажмурил глаза – неплохой повод, чтобы начать гляделки с новой силой. – Если надо.

Директор отпустил подбородок, обошел стол и сел на прежнее место.

– Вы дурак, молодой человек? – прозвучал прежний вопрос.

И чего он заладил?

– Сотников Алексей Юрьевич, – представился я.

– Чем занимались раньше, Алексей Юрьевич?

– Танцами.

Директор не засмеялся и даже не пшикнул.

– А зачем же в космонавты решили податься? – продолжал он допрос.

– Мною движет исключительно гордыня, – я заранее решил не врать. – Хочу стать сильнее, круче и популярнее Витьки Андропова.

Тут директор не сдержался. Заржал в голос и даже схватился за живот. Но спину так и не разогнул. Потрясающая выдержка. Осанка Бога. Аж противно.

– Молодой человек, – начал он, успокоившись. – Война идет, в курсе? Не на Земле. А там, – директор ткнул пальцем вверх. – Через пару лет даже армию расформируют. Вся война за территорию Луны будет, не за нашу брэнную матушку Землю. Космонавты – новые воины.

– В курсе, – кивнул я.

– За гордыню погибать будете?

– А за что же еще?

– За родину, например?

– Одно другому не мешает.

– Дурак, – директор стукнул ладонью по столу и, отвернувшись от меня, уставился в окно.

Рюкзак всегда казался мне тяжелым. Но сейчас – особенно.

Я теперь брал с собой все учебники, все тетради и даже сменку не забывал. Сегодня набор для черчения прихватил и пенал собрал.

Раз решил стать космонавтом – придется учиться. Не абы как, а на одни пятерки. Так сказал директор кружка. Мол, ежели с этих пор хоть одна четверка в четверти – выгонит взашей.

Сначала, конечно, тяжело будет, и я это понимал.

Но главное же – начать.

Вот я и притащил этот – рюкзаком даже язык назвать не поворачивается – сундук у себя на плечах. И как остальные ходят? Может, я с непривычки?

– Гляньте, какой у Сотни горб, – смеялся Витька Андропов и тыкал в меня пальцем. – еле волочет на себе. В натуре, из Нотр Дама.

Класс засмеялся. Как обычно.

Я подошел к своей парте. Снял кое-как рюкзак. Достал тетрадь, учебник и пенал. Аккуратно разложил на столе. Потом из пенала достал ручку. И рванул к Андропову.

Одним ударом ноги вышиб из-под Витьки стул. Рукой схватил за лацкан пиджака. Ручку приставил к глазу.

– Первое предупреждение.

– Ой, как страшно, – изобразил ужасающуюся рожу Андропов. – Давай, ткни, Сотня, ты же теперь тоже у нас в кружке космонавтов. Крутой теперь, да? Только на Луне не танцуют, а воют, милочка.

У меня возникло непреодолимое желание затолкать эту чертову ручку так глубоко в глазное яблоко Андропова, чтобы сдуть, как шарик, его воздушный мозг. Но такой поступок противоречил моим планам.

Вылететь из школы стало бы полнейшим крахом. И ознаменовало победу Витьки. Встать на учет в детскую комнату полиции означало вылететь из кружка. И снова это было поражением.

Не сделать ничего в данном случае тоже выглядело бы с моей стороны слабостью. Варианты того, как поступить, отметались один за другим.

Меня спасла открывшаяся дверь и зашедший в класс учитель.

– Андропов, Сотников, – строго пробасил учитель. – Что это тут у вас?

– Мы просто танцевали, – улыбнулся я и спрятал ручку, а потом добавил, тихо, так, чтобы не услышал учитель. – И еще потанцуем.

Уроки по истории я слушал внимательнее всего. Во-первых, здесь крылась моя наибольшая слабина – не любил этот предмет всей душой. Во-вторых, в кружке по знанию истории космонавтики даже зачет был. Вылетать в первый же год учебы совсем не хотелось.

Теперь я знал, в каком году война перекочевала с Земли в космос. Знал, что державы бились за лунное пространство и полезные ископаемые, которые нашли на спутнике. Знал, что США уже прекратила набор в привычную армию – теперь набирали только космонавтов. Знал точную дату, когда американцы совершили первый рейд к нашей орбитальной станции, которая едва не закончилась гибелью всего экипажа, и тем самым развязали войну.

В общем-то, новейшая история давалась просто.

Все, что происходило до первого полета на Луну казалось скучным и не интересным. Пресным. Противным.

Но учить приходилось – тут ничего не поделаешь. Необходимая жертва.

С физическими тренировками дела обстояли тоже непросто. После непрерывных легких растяжек на танцах тяжелые металлические тренажеры давались с большим трудом. За первый месяц занятий я даже схуднул на несколько килограмм, хотя по мнению тренера должен был столько же набрать.

Мама переносила мой уход с танцев тяжело. Я слышал, как она плакала однажды ночью. Боюсь, что это из-за меня.

Хотя горевать было нечего, в принципе. Учиться стал лучше? Да. В тренажерку начал ходить? Ну ничего, что сбросил пару кило, с кем не бывает. В кружок космонавтов записался? На благо Родины же тружусь.

Что-то мне подсказывало, что мама так переживала, потому что ее танцевальная карьера в юности прервалась из-за травмы. Она хотела, чтобы я продолжил ее путь.

В ту ночь я подошел к плачущей маме и обнял так крепко, как только получилось. Хотел двинуть душещипательную речь про то, что человек должен найти себя, обрести собственные цели, предаваться мечтам своим, а не чужим, отдаваться без остатка лишь тому, что греет его сердце, а не сердца окружающих. Но я выдавил из себя лишь:

– Прости.

Мы пролежали всю ночь, обнявшись, и не сказали больше ни слова.

Тренировки в кружке «Юный космонавт» оказались по-настоящему увлекательными. Особенно, когда мы уехали на два месяца в летний лагерь.

Где еще увидишь огромный макет космической станции, от вида которого дух замирает, а мурашки носятся по коже вверх-вниз, как муравьи? Где еще сможешь прийти на экзамен в скафандре? Где еще ученики сдают зачеты, болтаясь вверх тормашками? Где в столовой кормят только из тубиков?

Центрифуга, бассейн и невесомость – три моих лучших друга этим летом.

Витька Андропов – мой злейший враг. Не только этим летом.

Конечно, он занимается в кружке с семи лет, а значит – сильнее, быстрее и опытнее меня.

Я и не спорю.

Но зачем подначивать? Зачем издеваться? Зачем подшучивать?

– Сотня опять рухнул, неумеха!

– Ты будешь первым танцором в космосе?

– Смотрите, как ест – точно модерн!

– Ой, Сотня, а что со штанами? Саечку за испуг!

– Сотня, ты чего такой бледный? В центрифуге не нашлось партнерши?

И так далее.

Первый раз мы сцепились после центрифуги. Мне было реально плохо, а тут он со своими издевками.

Я успел только дать обидчику в челюсть. Потом потерял сознание.

Все-таки, он сильнее. Чего уж тут.

– Попробуй только сказать инструктору, что это я, – Андропов склонился над моей кроватью. – Прибыю.

Я хотел плюнуть в него, но во рту было сухо.

– Не волнуйся ты так за свою жопу. Если тебе кто ее и надерет – это буду я. Только позже. Андропов снова замахнулся, но пацаны оттащили его в сторону.

Разговор с директором кружка вышел недолгим. Еще раз – и оба на исключение. Вот и весь вердикт.

Но через пару дней история повторилась.

– Да помиритесь вы с ним, – сказал мне один из ребят. – Чего как два петуха?

– Андропов тот еще петушок, – крикнул я так, чтобы Витька услышал.

На этот раз я выдержал чуть дольше. Успел врезать Андропову под дых и пробить локтем в ухо. Потом физическое превосходство все-таки возобладало. Пространство перед глазами подскочило вверх, завибрировало, помутнело и схлопнулось.

– Что мне с вами обоими делать? – директор барабанил пальцами по столу.

– Полагаю, исключить, – предложил я.

Если вылетит Андропов – и самому не страшно, заключил я. Крах Витька – тоже неплохой вариант, даже если он не приведет к моей победе.

– Дурак, – в очередной раз констатировал директор. – Твои мысли, Андропов?

– Дать последний шанс на исправление, – пробубнил Витька.

– Я уже дал вам последний шанс, кретины, – заорал директор. – А вы мне тут бойцовский клуб устроили. Вам чего, скучно что ли? Вам центрифуги мало? Или бегаете недостаточно? Вы в военное училище думаете поступать? С какими рекомендациями?

Витька молчал. Меня бесило, что мне приходится делать то же, что и Андропов. Молчать.

– Мне придется перевести вас, Сотников, в другую группу. Годом помладше.

Андропов прыснул.

– Почему меня? – спросил я.

– Сам подумай, идиот!

И впрямь, идиотский вопрос.

В любом случае, раз переводит, а не выгоняет – значит, подаю надежды.

Еще бы – всего год обучения и тренировок, а результаты почти как у Андропова.

Все-таки, следует согласиться, что гордыня – шикарный стимул. Лучше любви к Родине, уж точно.

Видимо, директор понимал это так же ясно, как и я.

В следующий раз я встретился с Андроповым первого сентября в школе.

Он стоял на линейке в обнимку с Машкой Федоровой. Рука Витьки бесцеремонно обхватывала талию девушки. Противно.

Первый урок прошел неплохо – я получил сразу две пятерки за точные, краткие и обстоятельные ответы, как выразился учитель. Машка повернулась с первой парты и как будто одобрительно улыбнулась.

Так, наверное, со всеми подростками случается. Работаешь на износ, тренируешься как проклятый, не спишь ночами, чтобы оказаться лучшим. Чтобы стать лучшим. Учишь все эти чертовы уроки, раскаляешь тренажеры, тренируешь силу воли – все ради великой цели, которая больше не кажется недостижимой, а потом – раз – один поворот головы, кивок, улыбка и ты поплыл.

Думаешь, а может к черту это все? Останусь таким же простым парнем, среднестатистическим хорошистом, поступлю в обычный универ на экономиста или юриста, найду вот такую красавицу, заведу детей, семью, жизнь станет спокойной, размеренной, комфортной.

Все из-за одной чертовой улыбки.

Нет, дурные мысли. Вон. Вон. Вон.

Не было бы этой улыбки, если бы я был среднестатистическим хорошистом с очевидными планами на жизнь.

– Я видел, как ты ему улыбнулась, – пробасил Витька Андропов. – Понравился этот олух, да? Глянь, умный какой стал, сильный, в космонавты метит. Приглянулся Сотня, признавайся?

Они стояли в коридоре. Андропов держал Машку за руку, тряся своими лапами хрупкое запястье Федоровой. Я вышел из класса и замер, ожидая продолжения.

– Ты сбрендил, Вить? – тихо спросила Машка.

– Чего сбрендил, – Андропов не унимался и схватил девушку за плечо. – Чего сбрендил-то? Я ж видел, как ты на него пялилась. Иди к своему Сотне, я тебя не держу, просто признайся, что ты влюбилась в этого чечеточника.

Федорова опустила голову и промолчала.

– Говори, сука! – заорал Витька.

Крик почти заглушил звук звонка.

На этот раз борьба шла почти на равных. Мне даже удалось не потерять сознание.

В кабинете завучей мы выглядели комично. Я держал ватку у носа, пытаюсь остановить кровотечение. Витька расчесывал скулу, которая прямо на глазах увеличивалась в размерах и синела. У меня – практически полностью оторванный рукав пиджака. У Андропова – рюкзак без лямок.

– Мне придется доложить об этом в ваш кружок, – констатировала завуч.

– Ради Бога, МаринПална, – Андропов умоляюще сложил руки, – не надо.

– Готовы на любой вид компромисса, – более дипломатично заключил я.

Завуч стукнула ручкой по столу.

– Месяц дежурства по столовой, – заявила Марина Павловна. – Со следующей недели. Нулевым уроком. В семь утра. Только вы вдвоем. И ежели еще раз подеретесь – непременно сообщу в кружок.

– Ладно, – согласились мы одновременно.

Противно.

Мама долго причитала, увидев мой вывихнутый нос. Обещала отлучить от школы и от кружка. Грозилась переездом и переводом в новую школу. Выдвигала требования по возобновлению тренировок в танцевальном классе.

Но в итоге все-таки позвонила директору «Юного космонавта» и поведала страшную историю о том, как сильно я заболел и сколь сильно мне необходимо недельку минимум побыть дома.

Это же мама. Я ее тоже люблю.

Первый день дежурства по столовой вышел очень тихим. Ни привет, ни пока. Просто помыли полы, каждый свою половину, при чем заранее не сговариваясь. Молча поделили подносы. Вымыли до блеска. Расставили посуду по столам. На все про все ушло полчаса. Оставшееся время до уроков провели каждый по-своему. Я перечитывал параграф по химии, а Андропов воткнул наушники и покачивал головой в такт каким-то ужасным крикам, которые навеяли на мысли о муках преисподней.

Машка в школу не пришла. Говорят, заболела. Мне почему-то показалось, что это правда. Перенервничала.

Во второй день дежурства Андропов зачем-то предложил мне конфету.

Решил пойти на примирение? Вряд ли. Скорее всего плюнул на конфетку, а потом завернул в фантик – мелкая шалость, но вполне в духе Андропова.

Я просто отвернулся, помотав головой.

Машка в школе так и не появилась.

На третий день Витька вздумал со мной заговорить:

– Ты с Федоровой общаешься? – спросил он как бы невзначай, пока мы драили полы. – Что-то ее в школе второй день нет.

Я промолчал. Не хватало еще поддаваться на его провокации.

Машку я увидел в коридоре на подходе к классу. Андропов подлетел к ней и начал, интенсивно жестикулируя, что-то объяснять. Она смерила бывшего парня ненавидящим взглядом и проскользнула в класс.

Я весь день мучился. Подойти или не подойти? Заговорить или не заговорить? Признаться, или не признаваться?

И здесь я впервые почувствовал себя по-настоящему слабым.

Я просто не смог.

На четвертый день объявили, что в армию набирают всех парней от шестнадцати лет из кружков космонавтики. Война началась с новой силой. Стране нужны новые герои.

Ни я, ни Андропов в столовой не появились.

Мама плакала почти беззвучно, содрогаясь всем телом. Из уголков глаз то и дело скатывались на щеки крупные капельки слез.

Мама была единственной, кто провожал меня на вокзале.

Вокруг Андропова, который стоял чуть дальше по перрону, столпились друзья, подруги, куча родственников, все смеялись, подбадривали новобранца и громко шутили.

И я ему ни капли не завидовал.

– Сынок... – начинала мама, но фраза терялась в беззвучных содроганиях хрупкого тела.

– Я же не на войну еду, мамуль, – я гладил маму по начавшим сесть волосам. – Сначала два года обучения. Потом только распределят. Может, к тому времени все закончится.

– Закончится, – эхом повторяла мама, и слеза скатывалась на щеку, змеей поползала по коже и пряталась в уголках губ.

Тридцать шесть одинаковых лысых голов выстроили вдоль поезда и пересчитали.

– Занять места в соответствии с полученным билетом, – старший лейтенант, который вез нас в учебку оказался неплохим малым и дал еще минуту на прощание с ближайшими родственниками.

– И почему ты бросил танцы?

– Ты же понимаешь.

Мама кивнула и обняла меня так, что у меня аж суставы хрустнули. Никогда бы не подумал, что в этой маленькой женщине столько силы.

Мы с Андроповым оказались в разных вагонах.

Хоть что-то радует.

Я стоял у окна и смотрел на плачущую маму.

Хотелось выпрыгнуть из поезда, взять самого дорогого в мире человека за руку и сказать, что передумал, что брошу я все это и пойду снова на танцы.

По сути, вражда с Андроповым уже не так занимала меня, как полгода назад.

Уже не это двигало мной.

Просто я знал, что там, за окном этого поезда мир, полный обыденности и скуки. Понимал, что там мне не место. Понимал, что просто не вынесу размеренности, комфорта и простоты. А еще. А еще я знал, что там есть Машка, с которой я никогда не заговорю. Просто не смогу. Потому что не смог однажды.

Когда поезд тронулся, и я потерял из виду маму, на телефон пришла смс-ка:

«Береги себя»

И откуда она узнала мой номер?

Мы с Андроповым попали в разные роты.

Пересекались иногда в столовой, иногда у центрифуге, играли друг против друга в футбол между подразделениями.

Ненависти не было. Ничего не было. Безразличие.

Дни казались одинаковыми, но при этом очень насыщенными. Чего только не успеешь переделать с шести утра до полдесятого вечера. Расписание напряженное, сложное, даже интересное, но – на то оно и расписание – однообразное. Как будто вереница скопированных под копирку дней, которые ты просто раскрашиваешь по-разному своими эмоциями.

Машка больше не писала. Ни единой смс-ки. Ни одного письма. Ни звоночка.

Хотя я от безысходности отправил ей два сообщения.

«И ты» – на следующий день после присяги.

«Как ты?» – той самой ночью, когда прошел ровно год с моего отъезда с вокзала.

Мама, конечно же, звонила регулярно. Два раза приезжала, несмотря на то, что учебка была за тысячу километров от дома.

Скучная армейская жизнь.

Конспекты, тренировки, марш-броски, центрифуги, пробные полеты, песни под гитару – все это только звучит привлекательно.

Да вот только сложно разобраться, сильно ли это отличается от той гражданской жизни, от которой я отказался, ради риска, неопределенности и приключений?

Я бы точно разобрался с этим. Когда-нибудь позже.

В воскресенье я шел в чепок, полакомиться вафлями с вареной сгущенкой и крепким кофе – в другие дни позволить себе такую роскошь могли лишь сержанты.

Пахло осенней листвой, мокрым асфальтом и немного стиранным бельем из бани.

Из гостиницы, в которой мы жили во время увольнений, вышли они.

Андропов и Федорова держались за ручку. Машка хохотала, разбивая ударом футболиста аккуратные кучки листвы – результат утренних трудов нарядов. Андропов блаженно смотрел на небо и что-то беззаботно рассказывал.

Они увидели меня и замерли.

Даже не представляю, насколько грозно я выглядел, но на лице Машки я прочел искренний испуг. Андропов сжал кулаки и стоял, не двигаясь, как будто ожидая от меня атаки.

Я махнул рукой, приветственно улыбнулся и зашел в чепок.

Пришлось просить у мамы, чтобы она перевела деньги. Два стола и три стула я обязан был заменить за собственный счет.

Через неделю у роты Андропова стоял экзамен. Вращение на центрифуге. Максимальной степени сложности.

В нашем подразделении он был ровно неделю назад. Двое курсантов благополучно слились, не выдержав нагрузок. Я лично видел, как старший лейтенант Гладко постепенно увеличивал скорость вращения до максимума, а через пару минут под крики: «Нет!» останавливал тренажер.

Я проверил: Андропов будет сдавать экзамен первым. До него по алфавиту никого не было.

Героем может стать только один.

Ночью договорился с постовыми, чтобы подойти к центрифуге. Мол, на экзамене потерял зачетку здесь, если сегодня не найду – позор и отчисление. Цена вопроса – пакет молока и две пачки печенья.

Знания, полученные в школе, оказались совсем не бесполезными. Физика и механика – великие науки.

На утро мне предстояло задание посложнее. Надо было как-то договориться с лейтехами и сержантами, чтобы не присутствовать на первых занятиях. Выход нашелся сам по себе – кто-то из наших сильно заболел и его направляли в санчасть. Я тоже покашлял в кулак, мол, заразился.

В санчасть нас вел сержант Лебедев. В простонародье – Лебедь.

– Короче, Лебедь, я ни фиги не заболел, – честно признался я. – Надо свалить на часик.

– Мне-то че?

– Телка осталась в гостинице с выходных, надо проводить, – я умоляюще поднял на сержанта глаза. – Будь человеком. Всего час.

– Две бутылки колы и коробка шоколада, – Лебедь оказался предприимчивее, чем я думал.

Я был у центрифуги через десять минут. Солдаты стояли в строю по стойке смирно. Вдоль ряда прохаживался сержант и выкрикивал фамилии. В ответ получал громкое и четкое: «Я!».

Я встал за стенд, на котором подробно были расписаны инструкции работы с центрифугой.

Переключка. Едва успел. Еще несколько минут и мне не удалось бы лицезреть собственный триумф.

Сейчас Андропов пойдет первым. Лейтенант повернет ручку до максимума, но не сможет остановить центрифугу. Точнее, сможет. Но для этого потребуется секунд тридцать-сорок: нужно добраться до розетки в другом конце помещения и выключить ручную.

Норматив выдержки на максимальной скорости – двенадцать секунд. Это на пятерку. Даже не представляю, что будет с Андроповым за двадцать дополнительных секунд. Не представляю. Но очень хочу посмотреть.

– Сотников? – лейтенант увидел мою выглядывающую из-за стенда физиономию. – Чего тут забыл?

– Уже ухожу, товарищ лейтенант, – я развернулся и направился в сторону выхода.

– Нет-нет, останься, – лейтенант подошел ко мне, по-свойски приобнял за плечо и повел к строю. – Смотрите сюда, солдаты. К нам в гости заглянул рядовой Сотников. Лучший результат из всей дивизии.

Я скромно кивнул головой, подтверждая заслуги. На Андропова старался не смотреть.

– Пусть начнет Сотников, – лейтенант похлопал меня по плечу. – Покажет остальным пример.

И посмотрел на меня таким взглядом, который говорил:

«Да не за что, потом рассчитаемся»

Все остальное помню смутно.

Я подошел к центрифуге. Сел внутрь. Меня закрепили ремнями и пластинами.

Мир начал вертеться.

Надо было отказаться? Вряд ли. Это трибунал.

Надо было во всем признаться? Смешно. Это позор.

Не стоило этого затевать? Да ладно. Сами-то лучше?

Я увидел танец.

Увидел расческу, которую я достаю из внешнего кармана рюкзака.

Увидел директора кружка, который стучит по столу и говорит: «Дурак».

Увидел поворот головы и одобрительную улыбку.

Увидел футбольный удар по листе.

Увидел, как слеза прячется в уголках маминых губ.

Через полтора года после описываемых событий лейтенант Андропов стал Героем войны. Его экипаж сыграл ключевую роль в тотальном разгроме американских войск в районе кратера Платон.

Еще через год Виктор женился на Марии, которая теперь стала Андроповой. Вскоре у них родилась дочь.

Школу, в которой учились ребята, назвали именем Виктора Андропова.

Один из комических кораблей нового поколения получил название «ВА-1».

В одном из многочисленных интервью Виктора спросили:

– Можете назвать человека, который оказал на вас наибольшее влияние, сыграл главную роль в становлении вашей личности?

– Сотников Алексей Юрьевич.

– Кто он? – уточнил корреспондент

– Друг, – не раздумывая ответил Виктор.

– Как именно он оказал на вас влияние? Вы выросли вместе? Чем занимается ваш друг?

– Я не хочу об этом, – отмахнулся Андропов. – Но думаю, что он сейчас танцует.

И он не ошибся.

Болезнь Соннер-Вилля

Я то и дело поправлял шапку, которая сбивалась от сильных порывов ветра. Бесит. Так задувает, а тишина абсолютная. Ни свиста, ни шороха, ни даже скрипа снега под ногами. Я, наверное, никогда не привыкну.

Не думаю, что хоть кто-то смог привыкнуть.

Витька стоял у забора, оценивающе прошёлся взглядом сверху вниз.

Он посмотрел на меня. Вскинул брови, мотнул головой, указывая пальцем на забор – мол, справимся?

Я пожал плечами. Высоко, конечно. Но что нам остаётся?

Нам, потерявшим. И потерявшимся.

У Витька, если вы не в курсе, умерла мама. Всего неделю назад. Он сильный пацан – не ныл, не рассказывал грустных историй, не пытался уговаривать. Просто подошёл ко мне в колледже и положил на парту листок с надписью:

«Ты собираешься к ангарам?»

Я кивнул.

Витька перевернул листок. На обратной стороне было написано:

«Я с тобой».

Тогда я уже знал о его потере. Я видел маму Витьки пару раз на собраниях и однажды у этой самой стены: тощая, бледная, с жиденькими волосиками. Но она постоянно улыбалась. Получалось нелепо, но становилось как-то светло от того, что она не падает духом, не ломается, а борется, смеётся над миром. Наверное, Витька пошёл в неё. Потрясающая сила духа.

Когда я потерял Наську, всё было по-другому.

Я не такой стойкий.

Наська обожала звуки. Представляете, каково ей было, когда город заболел? Вряд ли вам было так же больно.

Она училась в музыкальном классе тётушки Мэри. Наська играла на тромбоне. Так я её впервые заметил. Она выходила из класса. На левом плече висел огромный рюкзак. Казалось, что при желании Наська сама смогла бы в него влезть. В правой руке она держала чехол с тромбоном. Я тогда подумал – муравейчик. Маленький, безопасный и трудолюбивый.

Тащит такую тяжесть, а движения всё равно остаются такими простыми и лёгкими, как будто у неё только ромашка в руке, а идёт она не по пыльным школьным коридорам, а едва не бежит по зелёному лугу.

Я знал, что у меня нет шансов. Мой рюкзак был ещё больше Наськиного, я горбился, а на щеках высыпали прыщи, которых от маминого хозяйственного мыла становилось больше с каждым разом.

Я подошёл к лестнице, чтобы подняться на второй этаж, на урок по паровым машинам. Наська окликнула меня:

– Сань.

Откуда она знала моё имя? Понятия не имею, если честно. Потом она рассказывала, что у неё отличная память на имена. Мне кажется – врала.

– Помоги, – она кивнула на чехол с тромбоном.

Я, конечно же, помог. И едва справился с тяжестью, кое-как удержав равновесие. Он оказался тяжеленным, по крайней мере, для меня, как говаривал отец «плюгавенького».

Наська хихикнула и начала рассказывать, как прошёл урок. Мне. Просто так. Ни с того ни с сего.

Она потом рассказывала, что её привлекло моё спокойствие. Говорила, что молчаливость и отчужденность отличали меня от других. Это она точно врала. Я был не молчаливым, а замкнутым, не отчужденным, а одиноким.

Смех и рассказ об уроке тётушки Мэри заглушили одиночество.

Если одиночество было бы звуком.

От стены к городу тянулась проложенная в снегу двойная колея, словно проехал паровоз – это мы с Витькой тащили сюда лестницу.

Стена казалась огромной и недостижимой. Таким мне казался папа в детстве – до того, как я повзрослел и увидел грустные глаза. Витька подошёл к лестнице, схватился за верхнюю балку и кивнул мне, мол, держи, чего встал. Секции выдвигались медленно, но беззвучно. Я хотел представить скрип, который должен был сейчас раздаваться, но ничего не получилось. Уши забили плотной ватой навсегда.

Витька шагами померил лестницу. Потом отсчитал шаги до стены.

Я смотрел неприкрытым уважением. Мне сейчас хотелось либо убежать отсюда прочь, либо, увидев в очередной раз высоту стены, сдаться, лечь на снег и уткнуться покрытыми инеем бровями в тепло дублёнки. Витька же был хладнокровен и расчётлив. Сейчас он рассчитывает всё так, чтобы мы точно не свалились.

Витька пинками подтолкнул лестницу к стене.

Опять вопросительно посмотрел на меня. Мол, чего встал, помогай.

Осилили с четвёртого раза. Сначала вообще от земли еле оторвали, потом два раза не хватало сил поднять лестницу над головой. У меня тряслись руки. Витька сделал успокаивающий жест и сел на снег, мол, надо отдохнуть. Посидели, собрались. В общем, на четвёртый раз справились.

Витька посмотрел на стену, сплюнул и ногой пнул снег. Посыпались белые искры.

Лестница доставала только до середины стены. От последней балки до края оставалось метра два, а то и больше.

Не зря горожане отчаялись сюда ходить ещё год назад. Проклятое место – кто уходил, тот не возвращался, кто возвращался – чах на глазах, как желтеющий и ссыхающийся, готовый к падению, осенний лист.

Только вот люди шли в ангары, чтобы попробовать убраться из Соннер-Вилля на цепелинах. Мы же шли туда совсем по другой причине.

Вы помните тот день, когда Соннер-Вилль заболел?

Я – нет.

Да и никто не вспомнит точную дату.

Я был в десятом классе, кажется. Всё происходило неспешно, как болезнь, которая не убивает сразу, а преследует долго, годами, а потом добивает, но тоже не одним выстрелом, а несколькими точечными ударами.

Сначала случилось странное – из города уехал певец, знаменитость и всеобщий любимец Антоша Лорей. Он собрал вещи, пришёл к жене и, как она потом судачила, умолял взять дочек и бежать вместе с ним. Жена, как всегда, решила, что Антоша пьян, отвесила оплеуху и велела идти отсыпаться. С тех пор Антошу никто не видел.

Потом у нас дома перестал работать граммофон. Мама сунула мне в руки коробку и велела тащить «эту рухлядь» в ремонт. Мастерская в Соннер-Вилле была одна.

Вы тоже пошли к дяде Винтеру, когда граммофон сломался?

Тогда вы видели ту очередь. Очередь длинную в улицу, где ещё слышались перешёптывания, где ещё свистел ветер, где шаги не тонули в бездне. Все уже говорили тихо. Змея из людей

извивалась, но медленно и вяло, неохотно, как будто заклинатель змей отбросил флейту и просто ждал, когда липкая длинная тварь наконец успокоится и обмякнет.

А помните, как перестали летать цепеллины?

Раньше я их считал. Если за день наберётся чётное количество – следующий день будет удачным. Если нечетное – ждут плохие вести. Почти никогда не совпадало, но, когда в небе не появилось ни одного цепеллина, я понял – удачных дней станет меньше. Намного.

Папа лишился работы. Раньше он работал грузчиком в ангаре для цеппелинов. Теперь – всё чаще лежал на диване и брал в руки книгу. Именно брал, а не читал. Как-то я заметил, что в течение часа у него открыта одна и та же страница.

Потом правительственные войска окружили Соннер-Вилль, а вокруг города начала вырастать стена. Помните те дни? Когда жители ещё пытались говорить, но лишь открывали рты и напоминали рыб. Тысячи, а если быть точнее, двенадцать с чем-то тысяч рыб, которых выбросили на берег, отгородили стеной и заставили беззвучно глотать воздух. Бросили барахтаться в страхе от того, что тишина напомнила о смерти.

А потом произошло самое пугающее – соседский механический пёс Балт перестал скрипеть по ночам. Кажется, тогда я впервые по-настоящему выспался. И с тех пор больше не слышал звуков.

Наверное, вы пережили что-то подобное.

Но есть разница между нами. Мне было плевать. Почему?

Мы стояли в моей комнате. Жёлтые выцветшие обои казались яркими и напоминали о солнце. Пахло Наськиными волосами и ухой, которую варила на кухне мама. Я взял ладонь Наськи в свою и почувствовал тепло от тонких пальцев.

Я говорил:

– Я тебя люблю.

Она, конечно, ничего не слышала. Просто мотала головой.

Я складывал из больших и указательных пальцев сердце. Она приоткрывала губы. Я понимал, что она говорит:

– И я.

Для меня на тот момент ещё ничего не случилось. Мне не было страшно.

Всё произошло позже.

Вы спросите, зачем мы с Витькой пришли к этим ангарам? Зачем вообще приблизились к стене?

Нас привели сюда тени. Призраки. Очертания тех, кого мы любили.

Витька достал из рюкзака тетрадку и карандаш. Снял перчатку и трясущейся рукой начал выводить одну за другой угловатые и острые буквы:

«Лезем вверх, там я подсажу тебя».

Понятия не имею, как он себе это представляет.

Лестница казалась мне не очень-то устойчивой. Плюс – по такому морозу дерево становилось ломким. Скрип, хруст – кого я обманываю, всё произойдёт в абсолютной тишине – и мы летим вниз, дай бог, чтобы не головой вниз.

Витька нацепил обратно перчатку, отбросил в сторону рюкзак, покрутил шеей, разминаясь. Потом начал лезть вверх. Уже на середине пути он бросил на меня недоуменный взгляд. Мол, почему ещё не на лестнице?

Всё-таки я был слабее Витьки.

Во мне оставались сомнения. Они шуршали внутри, как отголоски звуков, которые когда-то слышал ежедневно, а теперь не смог бы повторить. Я вспомнил сейчас почему-то папу, который держит книгу, часами не листая страниц. Вспомнил маму, которая тоже начинала стано-

вится прозрачной. Вряд ли это связано с музыкой или звуками – скорее, с общим чувством отчаяния. Обидно, что так всё получилось.

Я вспомнил Наську: клетчатую юбку, скол на зубе, чехол от тромбона, запах ухи. Потом – прозрачные плечи, испуганный взгляд, силуэт, напоминающий скорее клубящуюся в воздухе тень, нежели человека.

И решился. Схватился за первую балку и двинулся вверх.

Надо попасть в ангар. Если не справлюсь – окончательно признаю себя трусом. Дедушка давным-давно говорил: «Если ты хоть раз согнулся в покорности перед страхом, судьба твоего позвоночника предрешена: ты согнёшься снова». Мне кажется, что он не врал.

А, к чёрту. Хорошо, что Витька рядом. Иначе бы точно струсил.

Наська исчезала так же медленно, как болезнь, пожирившая город.

Сначала она горевала по Антоше Лорею, снимала со стен плакаты, которые тлели, покрывались чёрной коркой, копотью и ссыхались, как надкусанные яблоки ссыхаются от времени.

Потом она пришла в мастерскую к дядюшке Винтеру и пыталась помочь со сломанными граммофонами. Получалось выудить звуки только из самых новых проигрывателей, а остальные молчали, хотя всё внутри было по своим местам, вычищено и ухожено. Руки дядюшки Винтера дрожали, голос сбивался, и через два дня безуспешной возни он закрыл лавку, выпроводил Наську, поднялся в комнату и уснул. Сами знаете, что он таки и не проснулся.

Я пришёл к Наське домой в тот день. Она сидела на диване и пыталась рассмеяться. Я слышал лишь отдаленные звуки. Как ломающиеся на крыше льдинки. Наська держалась за живот, каталась по дивану, но я не слышал ничего, кроме этого тихого звона.

Тогда я впервые заметил, что она утратила цвет. Как будто кто-то подкрутил яркость. Кожа Наськи побледнела, глаза стали серыми, а в руки она не могла взять ничего тяжелее чашки – всё тут же рушилось на пол. Муравейчик оказался в мире, где нет любимого – работы. То есть музыки.

Я писал ей признания в любви на маленьких листочках, но не видел в ответ даже улыбки. Как-то она взяла один листок и написала аккуратным, плотным девчачьим почерком:

«Я тебя не слышу»

Подняла на меня умоляющий взгляд. Я указал пальцем на признание. Успокойся, хотел сказать я, всё будет хорошо, мы же рядом.

Она подписала рядом:

«Ты не понимаешь! Я тебя совсем не слышу!»

Я пожал плечами.

Наська схватила чехол с тромбоном и выкинула в окно. Не услышав звука падения, она заткнула уши ладонями и начала кричать. Я понял это по тому, как она покраснела. Как сжались её кулаки. Как напрягся её живот.

Мне почему-то вспомнилось, как мама однажды кричала на папу, плача:

– Ты меня совсем не слышишь, – она била маленьким кулачком по столу. – Не! Слышишь!

Папа пожимал плечами, и мама начинала плакать ещё сильнее.

Наверное, надо было отреагировать иначе.

Вы бы что сделали?

Витька добрался до самой верхней точки и ждал меня.

Ветер поднимался всё сильнее. Я старался как можно аккуратнее наступать на каждую следующую балку, чтобы не потерять равновесие. Сердце ухало, как испуганный филин, било в виски, отзывалось ритмичными вибрациями в затылке. Трус-трус-трус.

Когда я поднялся наверх, Витька стукнул ладонями по плечам. Забираться? На плечи? Это как?

Витька схватил меня за руку, и потянул наверх. Я в несколько перехватов оказался лицом к лицу с другом. Оттолкнулся от последней балки и наступил на Витькино плечо правой ногой. Потом подтянул левую. Вытянул руки. Я чувствовал, как Витька дрожит внизу. Ещё бы – я же не сорок килограмм вешу. А в дублёнке и валенках – и подавно.

Витька стоял на последней балке в полный рост. Я вытянулся, опираясь о Витьку и пытаюсь дотянуться до края. И теперь точно понял – не получится. До края стены оставалось ещё сантиметров двадцать. Не прыгать же мне, отталкиваясь от Витькиных плеч.

Я сдался.

Я – трус. Я хотел слезть.

Но только не Витька. Он взял меня за правый валенок, поднял ногу и поставил себе на голову. Два раза хлопнул по голени. Мол, прыгай.

Мой позвоночник согнулся бы сегодня дважды, если бы не этот белобрысый отличник, который не боялся абсолютно никаких трудностей. Бывает же.

Я опёрся и прыгнул. Пальцы в грубых перчатках зацепились за край.

Наська исчезла, когда умерла тётушка Мэри. Кажется, тогда она окончательно поняла, что музыка ушла насовсем, что никто больше её не услышит, и она не услышит никого. И никогда. Совсем никогда.

Странное слово – «никогда». Мы так часто его произносим. Сгоряча или в порыве эмоций, или просто так, вскользь. Но, если «никогда» приходит к нам в жизнь по-настоящему, без шуток, без упрямства, молча заходя и обосновываясь на кухне, мы понимаем, какое же это страшное слово.

Ты никогда больше не услышишь звуков.

Ты никогда больше не будешь вместе с Наськой.

Всё, что нас не убивает, делает нас сильнее? Смешно, да. Что же вы тогда сидите по квартирам и не вслушиваетесь? Не слышите? Не хотите услышать?

Это случилось десять дней назад. Мы сидели вместе, на моей кухне. Папа читал всё ту же страницу книги, мама что-то готовила. Пахло картофелем.

Наська смотрела на меня и пыталась улыбаться. Я понял, что происходит непоправимое, когда увидел узор на стене за Наськиной головой. Она сдувалась, как воздушный шар, но из неё выходил не воздух, а звук. Даже, скорее – жизнь.

Наська стала тенью. Очертанием на фоне стены, силуэтом, нарисованным мелким штрихом. Она пропала, но я чувствовал её взгляд, видел, как пальцы, точнее то, что от них осталось, тянутся ко мне, тонут в волосах, чувствовал, как она пытается улыбнуться, но не получается, как хочет сказать, но я не слышу. Не слышу.

– Мам, ты видишь? – я указал на то место, где только что сидела Наська, а теперь тёмным пятном, словно рой невидимых пчёл, вибрировал разряженный воздух.

Мама повернулась и спросила:

– А что я должна видеть?

– Наську.

– Какую Наську?

Я пожал плечами. И впрямь – какую?

Силуэт отделился от стены и двинулся в сторону двери.

– Я не буду обедать, – сказал я маме, схватил со стола тетрадь и ручку, сорвал с вешалки дублёнку и кинулся за Наськой. За тем, что от неё осталось.

Я подтянулся и забрался на стену. Потом помог Витьке. Было тяжело, но я справился. Потому что уже увидел, что никаких ангаров больше нет.

Перед нами была сплошная равнина. Выжженная, покрытая, как плёнкой, чёрной сажей. Необъятная, как небо. И не было вокруг ни ангаров, ни правительственных войск, ни гигантских паровых машин, которые выкачивали у нас звук и отдавали его в столицу (так говорил чокнутый профессор Вольский). Просто чёрное поле. И вокруг – ничего. Кроме редких звёзд, которые неохотно освещали это безжизненное место.

Я подумал: «Чистилище».

А потом я почувствовал стоны. Не услышал, нет. Именно почувствовал. Не звук, а волну. Не сами стоны, а лишь их отголоски где-то в районе затылка. Как будто они ухали в такт сердцу, отдаваясь вибрацией и головной болью.

Я опустил глаза к самому подножию стены и увидел их.

Я пошёл за Наськой.

Начеркал на листке быстро, на ходу:

«Остановись».

Я побежал вперёд и обогнал тень. Обогнал призрак. Обогнал то, что было Наськой. Вытянул перед ней листок. Она (оно?) на секунду остановила движение, взглянула на мои каракули и покачала головой.

Я понял – теперь она меня не слышит. Не понимает почерка. Не видит, что я ей пишу. Все самые тёплые слова бьются о главную трудность, главную стену, главную боль – о непонимание. О «ты меня совсем не слышишь! Не! Слышишь!».

Мы шли по улицам Соннер-Вилля.

Тень Наськи проплыла мимо закрытой мастерской дядюшки Винтера, обогнула сожжённую академию профессора Вольского, оставила позади посеревшую с покосившейся крышей школу, скользнула мимо особняка Антоши Лорея, и через минуту уже оказалась за пределами города, на пути к стене.

Я шёл.

Я думал – надо ещё попробовать. Ещё разок.

Я написал на листке:

«Пожалуйста, останься».

И протянул ей. Но тень шла вперёд, тень не хотела слушать, не хотела читать, не хотела понимать. Хотела убежать. Скорее убежать.

Вскоре она прошла сквозь стену.

Я потянулся за ней. Пальцем коснулся очертания. И ничего не почувствовал. Я рухнул и усталился в ту точку, где только что исчезла она.

Справа от меня точно так же у стены сидел Витька.

Пялился в одну точку.

Он не плакал. Не покачивался туда-сюда, как маятник. Не хватался руками за голову. Он просто смотрел в одно место.

Потом подошёл ко мне, помог подняться, и мы пошли в город.

В абсолютной тишине. И в этой ситуации она была абсолютно необходима.

У подножия стены толпились призраки.

Антоша Лорей пытался пройти то сквозь стену, то выйти на равнину, но всякий раз вскидывал голову и пытался зайти в крике. Безуспешно. Тётушка Мэри держала в руках Наськин прозрачный тромбон, пытаясь что-то сыграть. Безуспешно. Дядюшка Винтер чинил очертания граммофона, он откидывал его в сторону. Безуспешно. Тот снова появлялся перед несчастным.

Я увидел маму Витьки. Она стояла, смотрела вверх и улыбалась. Махала руками в сторону стены. Как будто показывала: «Идите отсюда».

Потом я разглядел Наську. Она была самым чёрным из призраков. Как будто облако, обмакнутое в чернила. Она не двигалась. Сидела, сложив руки на коленях.

Я написал на листке:

«Я пришёл к тебе»

Сложил из бумаги самолётик. Он пролетел мимо призрака дядюшки Винтера, заложил вираж и оказался у Наськиных ног.

Она пыталась подхватить листок, но не получалось. Она хватала его снова и снова, но листок оставался на месте. Безуспешно.

Я пишу ещё одно письмо с точно таким же посланием. Кидаю, не сворачивая бумаги. Оно не долетает до Наськи.

Оно не долетает снова и снова.

Витька хлопает меня по плечу.

Я оборачиваюсь. Он протягивает мне руку.

Крепкое рукопожатие.

И он прыгает вниз.

Я вижу, как его тело на лету теряет цвет. Сначала становится чёрно-белым, потом очертания жирнеют, и всё, что между ними – исчезает, пропадает, выветривается ледяной пургой, сливается с чернотой равнины. И – через секунду – он стоит в объятиях матери.

Я не могу решиться.

Я не такой сильный, как Витька.

Прыгнуть вниз, в мир, где она меня поймёт, примет и услышит? Или свалиться обратно, к лестнице, в мир без звуков? Отучить папу читать одну и ту же страницу, научить слушать маму. Ну, или хотя бы слышать. Как минимум – понимать. В мире без звуков это не так-то просто, но ведь возможно?

Скажите, а что бы выбрали вы?

Если она не поймёт последнего послания, решаю я, то вернусь. Пусть я буду хоть сто раз трусом – так правильно. Так должно быть. Если мы не смогли понять друг друга просто без слов – стоит ли оно того?

Я пишу на листке: «Слышишь?»

И кидаю в сторону Наськи.

Она встаёт со своего места, подхватывает листок. Выставляет на расстоянии вытянутой руки перед собой. Потом поднимает голову, смотря прямо на меня. И кивает.

Десять копеек

Это случилось вчера. Я хотел плакать. Но не умею. Жаль.

Тяжелая винтовка совсем не доставляла мне неприятностей. Легко в руках лежала, непринужденно. На своем месте, верно.

Вообще-то я редко ею пользовался, потому что Малыш использовал меня в основном, как доктора, а не обычного солдата. Наверное, это из-за моего игриво-фиолетового покрытия, которое порой очень весело играло бликами на солнце. Особенно, когда оно, в периоды своего пика, заливало светом всю комнату Малыша. Да, скорее всего этим я и отличался. Остальные солдаты из моего набора были просто темного цвета. И на солнышке не блестели.

Кстати, зовут меня Рид. Конечно, не сам это придумал – имя мне дал Малыш, когда открыл упаковку, в которой я пролежал месяцев, пожалуй, восемь. Как сейчас помню – была она камуфляжной расцветки, а прямо посередине изображался отряд солдат, выстроившийся в строй: бравые, накачанные молодцы с обездушенными лицами.

Эту упаковку родители Малыша стали использовать по назначению всех ненужных коробок – для обуви.

Имя дали, отмечу, только мне. Это из-за разницы в цвете, как я уже говорил. Малыш выделил меня сразу, почти без раздумий.

У мальчика уже было несколько наборов солдатиков. И теперь, заполучив еще один отряд, ребенок решил устраивать по-настоящему эпические схватки.

Каждое утро, едва мальчик открывал глаза, как сразу же начинал свою игру. Поле битвы – ковер. На нем, и с одного, и с другого края Малыш расставлял несколько домиков: штабы, полевой госпиталь и пару казарм. Посередине – поле битвы. Сражение редко длилось долго, и почти всегда побеждала наша сторона. Наиболее же тщательное внимание уделялось не самому бою, а, как ни странно, помощи раненым.

Выстрел – один упал. Еще удар – падает другой. Третий хлопок – появился раненый. И вот тут в дело вступал я. Делал перевязку, утешал плачущих в предсмертном рыдании солдат, вправлял кости, таскал уже полумертвых в госпиталь: у мальчика было на редкость изощренное воображение. Потом бой возобновлялся... Пару минут... И снова я помогаю тем, кому удалось-таки выжить.

Заканчивалось это, когда родители забирали мальчика в садик. Но, как только он возвращался, – снова то же самое.

А в конце дня, когда глаза у ребенка уже начинали слипаться от подкрадывающейся ночи, он раздавал награды в виде монеток. Награда за мужество – некоторым особо отличившимся воинам – стоила копейку. Награда за заслуги перед Отечеством – шпионам, которых иногда Малыш отправлял в тыл врага на разведку – пять копеек. И награда за Добро – десять. Одному мне. Потому что я был единственным врачом у выигрывающей стороны. И эта монетка, десятикопеечная, потом всегда лежала рядом со мной, до следующей битвы, в которой я вновь ее же и получал.

Перед сном Малыш расставлял нас по местам, на каждую полку – по отряду. Аккуратно, в строй, почти как на картинке. Но я всегда стоял впереди, а рядом – моя награда. В бессонные ночи я часто любовался отражением вылезавшей из-за окна луны в этой, начищенной до блеска, монетке. Эх, луна, ты была так прекрасна здесь, в этой только моей награде. Самой главной награде за Добро.

Ночью все солдаты спали. Люди крупно ошибаются, когда думают, что мы, игрушки, с заходом солнца оживаем. Нет, совсем все не так. Мы всегда живые. Но за день достаточно устаем. Устаем хотя бы за счет того, что двигаться нам нельзя и приходится терпеть, чтобы никак не выдать себя. И ночью отдыхаем.

И у нас, в комнате Малыша, редко бывало, чтобы кто-то в темноте вдруг начинал разговор. Но, все-таки, иногда я слышал, как солдаты перешептываются, как они завидуют мне, самому популярному, славному и титулованному. Они хотели иметь такую же славу. Но им никогда не получить награду за Добро. Ведь его совершал только я и никто другой.

Мне кажется, я знаю, почему Малыш отдавал предпочтение именно этой награде, как наиболее важной. Расскажу одну историю, она все объясняет.

Малыш часто брал меня в садик.

Много детей = много игрушек. Часто я ловил на себе любопытные взоры солдатиков других ребят. Все отмечали меня, даже некоторые куклы, в том числе и знаменитые Барби, которые в изобилии присутствовали у местных девочек. Заинтересовывал всех их, похоже, цвет моего покрытия. Есть чем гордиться. К слову сказать, иногда даже удавалось перекинуться взглядом с какой-нибудь рыжеволосой красоткой. В неразберихе игры, так сказать.

Были в садике нехорошие мальчишки, настоящие хулиганы. Чаще всего они приносили с собой роботов, которых я, пусть в тайне и боялся, но виду не показывал и держался беззаботно. Мальчишки докапывались до Малыша очень часто: «Че это у тебя за урод всегда с собой?», «Че он такой фиолетовый? А чего такой блестящий? Ты его полируешь что ли?», «Дай поиграться, не будь жлобом!» и т. п.

Реакция мальчика была непонятна, но вызывала у меня только уважение. Он совершенно спокойно терпел все подколки ребят и потом спокойно, словно ничего и не случилось, отходил в сторонку и продолжал играть. Воспитателю он не жаловался, ребятам никак не отвечал, но получалось у него это с таким достоинством, что пластмассовое мое покрытие чуть ли не дрожало.

И все-таки, спустя какое-то время, воспитатель заметила задиранья мальчишек, о чем сразу же доложила родителям Малыша. Конечно же, любящие предки сразу же решили пообщаться с мальчиком на такую важную тему. Передать жизненный опыт, объяснить, как себя вести. В общем, решили упорно нравоучать сына. Так и состоялись эти две беседы, с отцом и с матерью.

Когда папа разговаривал с Малышом, я лежал у него в кармане и в моменты, когда голос отца повышался, чувствовал, как малыш начинает поглаживать меня большим пальцем. Словно успокаиваясь.

– Малыш, ты не должен терпеть этого. Я – твой отец и ты должен меня слушаться, пойми. Я был когда-то тем еще хулиганом и ясно запомнил: либо ты, либо тебя. Отвечай на их нападки тем же. Око за око, зуб за зуб, понимаешь? Как бы тебе объяснить, – задумался глава семейства, – просто ты должен отвечать. Если тебя ударили в нос – бей в ответ. Если тебя оскорбили – делай то же самое. Не будь слюнтяем. Доказывай, что ты можешь ответить. И тогда это прекратится. Ты должен отвечать. Понимаешь, сынок?

– Да, папа. – Отвечал Малыш, уже потным от переживаний пальцем поглаживая меня по каске. Врал. По тому, как дрожала его рука, я тут же понял, что мальчик сказал именно так, только чтобы папа перестал его отчитывать.

И в том же кармане был я, когда мама нежно шептала мальчику на ухо, ласково обняв его:

– Сынок. Добро всегда побеждает, запомни. И, если ты будешь к людям тепло относиться – они рано или поздно станут так же относиться и к тебе. Просто надо смириться с тем, что они еще глупенькие и не понимают смысла добра. Как бы подоступнее... В общем, сынок, любимый, будь добр с людьми. Тогда ты получишь и признание... и славу. Потому что Добро

никогда не проходит незамеченным. Рано или поздно ты выиграешь за счет своего теплого отношения к людям. Я надеюсь на тебя, любимый. Ты же будешь добр?

– Да, мама. – Отвечал мальчик, спокойно держа меня в руке. Теперь он говорил правду.

Вот такая история. Пожалуй, именно после нее я стал еще чаще получать свои награды, а моменты спасения людей в воображении Малыша прорабатывались все лучше.

Десять копеек – моя медаль за Добро. Малыш вручал ее мне с особой щепетильностью. Иногда он долго разглядывал отблески сползающего за подоконник солнца на моем фиолетовом корпусе. А потом расставлял нас по местам и ложился спать. Чтобы с утра вновь начать свою игру.

И вот вчера случилось это.

Папа с Малышом поехали в магазин за продуктами. Мальчик, как обычно, взял меня с собой. Мы вместе сели в автобус. Малыш начал выклянчивать у отца новую игрушку чуть ли не со слезами. Я был частым свидетелем подобных истерик, поэтому ничуть не удивился, греясь в пальто мальчика.

Вдруг автобус тряхнуло. Тряхнуло так, что я вылетел из кармана Малыша. Это было ужасно. Страшно. Я закатился прямо за сиденье, застряв между огнетушителем, непонятно как тут оказавшимся, и стеной.

«Малыш, пожалуйста, заметь, что я вылетел. Заметь и найди. Давай же» – думал я. Нет, скорее умолял. Я застрял слишком сильно, чтобы выбраться. Я был как тоненькая брошюрка, зажатая между огромными томами на полностью забитой книжной полке. Мне еще никогда не было так страшно.

Малыш, казалось, услышал мои мольбы. Через две минуты он вскричал: «Папа, Рид упал! Папа, где Рид? Папа, надо найти, он просто выпал!». Он кричал громко. Так, что все едущие слышали. Ему тоже было плохо. Я почти физически ощущал, что он невероятно, невозможно боится потерять свою любимую игрушку. Хотелось плакать.

Мальчик, не обращая внимания на народ в автобусе начал рыскать по полу. Я видел его стоптанные детские кеды почти перед самым лицом, но он не замечал меня. «Найди же, вот он я, тут» – шептал про себя я. Рядом со мной упала его слеза. Я ощущал его горе. Настоящее, неподдельное горе мальчишки, который теряет любимую вещь. «Вот же я. Ну!» – бормотал в ужасе я. Но нет.

Отец сказал: «Вот наша остановка. Пошли, Малыш... Мы тебе нового купим».

И тут я впервые услышал, как он на самом деле плачет. Как Малыш рыдает, бьется в истерику, практически сходит с ума. Пожалуй, последняя фраза просто его убила. Как и меня. Заменить? Не получится. Мы стали слишком близки друг другу. Слишком.

– Нееееееееееет! Мы больше такого не найдем! Он фиолетовый! Отпусти! У него столько наград за Добро! Он так светится! Отпусти меня! Не нужен мне другой! – Малыш кричал так, что, казалось, сейчас весь этот небольшой городок слышит его мольбы. Он вырывался из рук отца, продолжая рыдать и кричать. Пассажиры ошеломленно оглядывались, не понимая, что же такого в потере простой игрушки. Об этом знали только я и Малыш. И это было по-настоящему ужасно. Ведь такого, как я у него больше не будет. Никогда.

Отец все-таки вытолкнул мальчика из автобуса.

Двери закрылись.

А я еще минуты три слышал его крики. Детские, полные отчаяния, безудержные крики, разрывающие мое несуществующее сердце.

Это было вчера.

А сегодня я лежал в пустом автобусе. Вокруг не было ни души. Автостанция.

Тягучая как патока, тишина окутывала все вокруг.

Я смотрел в окно, даже не пытаюсь шевельнуться. Чувствовал, что слишком плотно зажат здесь.

Я видел луну. И теперь она не казалась мне такой красивой. Ты ничтожна по сравнению с той луной, которая отражалась в только моей награде за Добро, думал я.

И ты, ковер, залитый полуденным солнцем – только мой.

И твой взгляд, Малыш, – принадлежал мне.

И, надеюсь, я еще увижу свои десять копеек славы и Добра...

Потом. А пока что ты, луна, стань такой же прекрасной. Порадуй мое разбитое, пусть и несуществующее сердце.

Эхо

Знакомство

Алексей Викторович прохаживался по кабинету, заложив руки за спину. Сначала поправил рамку с фотографией дочери. Стёр пыль с диплома о высшем музыкальном образовании. Потом подошёл к огромному глобусу, подарку от довольных подчинённых. Провёл указательным пальцем по линии экватора. Поддел ногтем где-то в районе Бразилии. Глобус со скрипом открылся. Теперь он напоминал зелёно-голубого разинувшего пасть пакмана. Когда-то дочь играла в эту дурацкую игру. Ох, хорошие были времена.

Так, что тут у нас в глобусе осталось. Две бутылки Хеннесси, шестилетний бренди, двенадцатилетнее вино и, конечно же, любимый напиток Алексея Викторовича – дорогущий, выторгованный у одного очень влиятельного человека, портвейн выдержкой – только подумать – пятьдесят пять лет.

Алексей Викторович взял бутылку, откупорил со свистом пробку. Вдохнул аромат миндаля, апельсина и цветочного мёда. Прикрыл глаза от наслаждения. Задержал дыхание.

Впрочем, Алексей Викторович тут же закрыл напиток – не хватало ещё, чтобы вкус выветрился. Пускай стоит. Да и пить сейчас неуместно – самое начало рабочего дня, впереди встреча, которая может изменить если не жизнь, то уж карьеру – точно.

Алексей Викторович закрыл глобус. Потом, часа через три-четыре, когда основные дела закончатся – тогда можно рюмашку. За успех.

Зашла секретарша. Олеся, она же Леся, она же Лиса, а для своих – просто Ли. Она носила очки без диоптрий – хотела казаться старше. Острые черты лица делали её похожей на лисичку из мультяшек. Длинные чёрные волосы, которые до этого успешно пытались оккупировать любую симпатичную поверхность офисного помещения, по указанию – даже требованию – начальства были укорочены до симпатичного «каре». Несмотря на почти модельную внешность, Алексей Викторович взял Олесю на работу вовсе не за «отсос» или «раздвинутые ножки», как завистливо предполагали дамочки из бухгалтерского отдела. Леся, несмотря на юный – всего двадцать четыре года – возраст, успела приехать из своего какого-то там Усть-перепиздойска, закончить без взяток МГУ, выучить два языка и даже получить дополнительное образование по социологии за границей.

– Лексей Виинииктрыч, – протянула Лиса и одёрнула юбку, из-под которой выглянули черные ажурные чулки.

Красотой она, несомненно, пользоваться умела. Хоть и знала, что Алексей Викторович – мужчина разведённый, но с принципами. Не зря почти полностью поседел в свои сорок два. Пройти через всякое прошлое – начиная от музыкального училища, продолжая участием в военных действиях в горячих точках, заканчивая постом директора ЦВЛнД. Но обычные мужские слабости всё-таки характерны даже самым стойким.

Алексей Викторович кашлянул в кулак – юбка была мгновенно опущена до приличного уровня – и вопросительно мотнул головой. Мол, чего тебе?

– У вас до девяти тридцати ни одной встречи, – Лиса хлопнула ресницами – ну прямо-таки Мэрилин Монро офисного пошиба, – примите, пожалуйста, моих ооооочень близких друзей.

Она маленькими шажками подошла к столу Алексея Викторовича, положила стопку бумаг на самый угол, так же аккуратно начала пятиться назад. Как будто акулу пыталась покормить хлебушком.

– Они два-миллиона-сто-двадцать-тысяч-какие-то-там в очереди, – Лиса округлила глаза, показывая весь ужас такой большой цифры.

Алексей Викторович взял бумаги и сел в кресло. Кожа приятно скрипнула под тяжестью хозяйской спины. А что – всё равно до следующей встречи заняться нечем. Может, и впрямь чем-то помочь удастся.

– Пусть заходят, – благодушно кивнул Алексей Викторович. Немного подумав, добавил, – только быстро!

Лиса кивнула, выскочила из кабинета и что-то зашептала за дверью. Слова напутствия для друзей?

Отказ

В дверь вошли двое приятных молодых людей. Парень лет двадцати трёх с круглым шрамом над бровью, и девушка с курносом носом и длинными ухоженными волосами.

– Почему не можете подождать? – сразу начал с главного Алексей Викторович и указал посетителям на кресла, – присаживайтесь.

– Моя жена больна, – лицо парня, до этого момента такое дружелюбное, вдруг стало серьёзным и очень взрослым. – Осталось лет семь-восемь, как говорят врачи. Боимся не дожидаться. Рак.

Последнее слово он произнёс на выдохе. Тяжело даётся парню.

Алексей Викторович открыл папку. Полистал документы. Достал один из листов, отложил в сторону и принялся водить пальцем по строчкам.

Посетители, кажется, перестали дышать. Алексей Викторович чувствовал аромат манго – шампунь девушки. Похоже, прямо перед выходом голову мыла. Чувствовал спёртый запах сигарет – от парня. Жёлтые ногти на указательном и среднем пальцах правой руки подтверждали догадку. Ещё Алексей Викторович чувствовал страх, который становился сильнее с каждой секундой.

Так, Виталий и Мария. Что же с вами делать?

Алексей Викторович давно знал – чем жёстче, тем лучше.

– Вы же знаете, какой показатель нормы, – он внимательно посмотрел сначала на парня, потом на девушку.

– Тридцать процентов, – Виталий сжал в руке пальцы Марии.

– Вероятность рождения нездорового ребёнка в вашем случае – более тридцати пяти процентов.

– Всего пять процентов разницы, – Мария опустила взгляд и прикрыла ладонью свободной руки искривившиеся губы.

– Ей осталось пять лет, – парень смотрел прямо на Алексея Викторовича, не мигая. – Помогите, – он сделал паузу, сглотнул. – Пожалуйста.

– Годы не имеют значения. Если бы вы попадали под процент – я бы ещё мог что-то сделать. С такой цифрой – я бессилен.

Мария начала беззвучно вздрагивать телом. Было видно, что её пальцы побледнели.

– По жа луй ста, – повторил по слогам Виталий. – Если надо...

– Деньги не помогут.

Алексей Викторович встал со стула и поклонился как можно ниже.

– Извините, у меня через минуту следующий посетитель.

Дверь хлопнула, и Алексей Викторович ещё долго чувствовал в кабинете вкус сигарет и манго. Одна роспись – и они бы падали тебе в ноги. Но одна роспись – это слухи, это ещё сотни таких же просильцев с тяжелой судьбой, это утраченная репутация неподкупного директора.

Взятки того или иного рода брать иногда приходилось, конечно же. Но никогда – деньгами. И никогда – малознакомым людям. Только влиятельным и важным персонам. Абсолютно инкогнито. Далекое не у всех из сильнейших мира сего показатель дотягивал даже до сорока процентов.

Приходилось выкручиваться.

Стало противно. Взрослый мужчина, а через день приходится чувствовать себя моральным уродом. Да ещё и перед какими-то юнцами! Как она вообще сюда их провела, дура малолетняя. Другие за полгода записываются – а тут на-те, нашла лазейку в расписании. Лиса, не даром так называют.

Выпить захотелось ещё сильнее. Лишь бы перебить запах сигарет и манго.

Алексей Викторович встал, чтобы снова подойти к глобусу. Но не успел. Прогремел взрыв. Сначала заложило уши, потом потолок начал уходить назад, а уже через секунду директор ЦВЛнД потерял сознание. Единственное о чём он успел подумать – позвонить бы сейчас дочери, с которой не общался последние два года. И просто сказать, что любит её, несмотря ни на что.

Гром

Пётр готовился к рабочему дню. Разобрал все накопившиеся бумаги. Разложил на одинаковом расстоянии друг от друга ручки, карандаш, линейку и ластик. Чуть дальше под прямым углом поставил степлер и дырокол. Поправил монитор так, чтобы он был строго параллелен краю стола. Прямо перед собой положил самые важные предметы – скипетр и державу офисного могущества – три печати с пометками «отложить» – жёлтого цвета, «одобрить» – зелёного и «отказать» – красного.

На стене кабинета висело две фотографии – президента государства, конечно же, в первую очередь, а рядом – начальника Центра Выдачи Лицензий на Деторождение Алексея Викторовича. Два самых влиятельных человека страны, чего уж там греха таить.

Пётр выглянул в коридор. Чинно и тихо. Всего два посетителя мирно ждут своей очереди. Мимо прошла Лиса, сверкнула чулками. Пётр глубоко вдохнул. Видел вчера её фотографии в социальных сетях. Знала бы она, какой незабываемый вечер они провели вместе. От воспоминаний о её снимках в нижнем белье Пётр почувствовал холодок в ногах и лёгкую дрожь в пальцах. Хороша, сучка.

Пётр выглянул в окно, чтобы хоть как-то отвлечься. Стандартная картина – вся площадь перед ЦВЛнД кишела людьми. Наверное, тысяч двадцать. Ну, или близко к тому.

Так, всё, отдышались. Раз, два, три.

Часы стукнули. Десять часов утра. Он нажал на кнопку телефона и проговорил:

– Первые, пожалуйста.

В дверь постучался мужчина нерусской внешности с густыми бровями и в кожаных сапогах. Азербайджанец или армянин, похоже – в тонкостях расы Пётр совсем не разбирался. Следом просеменила женщина в чёрной парандже, горбатая или просто согнувшаяся в три погибели.

Мужчина протянул толстую синюю папку.

– Потошла наша очередь, – сказал он с лёгким акцентом.

– Когда вы вставали в очередь? – уточнил Пётр, внимательно просматривая каждую строку документов.

– Твенатсать лет назат.

– К сожалению, придётся ещё отложить ненадолго, – Пётр взялся за жёлтую печать. – Вернитесь через...

Мужчина вскочил со стула и бесцеремонно схватил руку менеджера.

– Потчему?

– Вы же помните, какие проблемы были всего десять лет назад из-за перенаселения? – проговорил Пётр отработанную фразу. – Мы не хотим повторения ситуации и внимательно следим за рождаемостью. Сейчас итак перегруженность...

Договорить Пётр не успел. Мужчина схватил ручку и проткнул менеджеру горло. Кровь брызнула на монитор. Мужчина махнул рукой жене. Она выхватила из волос длинный предмет шириной с батарейку.

– Пора.

Двадцатитысячная толпа ахнула, когда второй этаж здания ЦВЛнД сотряс взрыв. В людей полетели осколки – кирпичи, оконная рама, горящий стол. Послышались крики.

Темнота

Сначала зазвенело в ушах. Потом появился свет. Крепкие руки схватили за лацканы разорванного пиджака и вытянули наружу. Тело обожгло болью, как будто на все мышцы обрушилось по валуну. Потом мимо провезли тело. Белая простыня была покрыта красными пятнами. Простыня съехала в сторону, и Алексей Викторович увидел лицо. И снова провалился в темноту.

Потом откуда-то издалека, словно из-под песка, шипел с прерываниями мужской голос.

– Это уже третий случай за неделю, когда террористы нападают на офисы Центров Выдачи Лицензий на Деторождение. Напомним, что первый произошёл в понедельник в Москве, второй – в среду в Женеве и вот сейчас взрыв прогремел в Лондоне. Общее количество жертв уже составляет сто четырнадцать человек. Отметим, что до сих пор ни одна из террористических группировок не взяла на себя ответственность за теракты. В рядах общественности укрепляется мнение, что взрывы организованы безутешными семьями, которым годами приходится ждать своей очереди в рамках программы по стабилизации населения планеты. Чаша общественного терпения переполняется. Завтра мы возьмём интервью у одного из основоположников программы – Сергея Титова. Смотрите только на нашем канале в восемнадцать ноль-ноль по московскому времени в прямом эфире.

Так же хотелось бы заметить, что на этой неделе были обнаружены и обезврежены две группировки шарлатанов. Они за деньги якобы избавляли людей от действия вакцины бесплодия, которой привито девяносто девять процентов населения страны. Мошенники вкалывали жертвам самодельное вещество, которое неоднократно приводило к смерти. От вакцины оно, конечно же, не спасает. «Мы все должны ждать своей очереди – подчёркивает официальный представитель ЦВЛнД, – не идите на поводу у шарлатанов, которые обещают избавить вас от бесплодия. Это возможно только после получения печати и ряда сложных процедур, которые могут осуществить только наши медики».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.